

МУЗЫКАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБЛАСТЬ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

А. В. Торопова,

Московский педагогический государственный университет (МПГУ),
Москва, Российская Федерация, 119991

Аннотация. В статье представлены концептуальные позиции междисциплинарной области знаний «Музыкально-психологическая антропология» – научного направления, позволяющего осмыслить историю музыкального искусства и этнокультурные вариации музыкальных традиций, исторические и современные музыкальные стили как репрезентации опыта развития сознания и экспрессии ключевых переживаний социальных или этнических групп. Разработка методологии музыкально-психологической антропологии позволяет изучать такие феномены, как психологическая идентичность определённой культуры или субкультуры, психологические корни музыкальных предпочтений и склонностей, музыкальный стиль как презентация «модальной личности» социальной группы или субкультуры и т. п. Статья содержит описание процедуры и основных результатов проведённого исследования ценностных ориентаций любителей разных музыкальных направлений с позиции музыкально-психологической антропологии. Полученные данные позволили сделать обобщение о том, что дифференциация общества по типам музыкальных предпочтений проявляет более глубокие психологические комплексы жизненных позиций и антропологические облики виртуальных сообществ людей, имеющих различные представления о главных ценностях жизни и смысле бытия. Педагогическая целесообразность разработки вузовского курса «Музыкально-психологическая антропология» обусловлена поиском нового продуктивного синтеза знаний, дающего импульс для развития профессионально-личностной рефлексии будущих педагогов-музыкантов, осознанного отношения к «своему» как рядоположному с «иным» вариантом жизни и культурных практик, толерантности к неопределённости и с несхожестью поколенческих самопрезентаций при общем знаменателе – ценности утверждения самой жизни.

Ключевые слова: музыкально-психологическая антропология, музыкально-языковое сознание, артефакты и архетипы музыкально-языкового сознания, модальная личность, прецедентные музыкальные феномены и предпочтения, психология музыкального образования.

Благодарности: Данная статья выполнена в рамках разрабатываемого автором научного направления при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грантовый проект № 19-013-00171 А. Автор благодарен кафедре методологии и технологий педагогики музыкального образования, кафедре психологии развития личности Московского педагогического государственного университета за возможность проведения исследований, а также бакалаврам, магистрантам и аспирантам, проявляющим живой интерес к развитию данного направления.

Для цитирования: *Торопова А. В.* Музыкально-психологическая антропология как междисциплинарная область научных знаний // Музыкальное искусство и образование. 2019. Т. 7. № 2. С. 24–40.

MUSICAL-PSYCHOLOGICAL ANTHROPOLOGY AS AN INTERDISCIPLINARY FIELD OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Alla V. Toropova,

Moscow Pedagogical State University (MSPU)
Moscow, Russian Federation, 119991

Abstract. The article presents the conceptual positions of the interdisciplinary field of knowledge “Musical-Psychological Anthropology” as a scientific field that allows comprehending the history of musical art and ethno-cultural variations of musical traditions, historical and modern musical styles as a representation of the experience of developing consciousness and expressing the key experiences of humanity that form the mentality, psychological needs and values of a particular social or ethnic group. The development of the methodology of Music and Psychological Anthropology makes it possible to study such phenomena as: psychological identity of a certain culture or subculture, psychological roots of musical preferences and inclinations, musical style as the presentation of a “modal personality” of a certain social group or subculture, etc. The article contains a description of the procedure and the main results of the study of value orientations of lovers of different musical styles from the perspective of musical and psychological anthropology. The data obtained made it possible to make a generalization that the differentiation of society according to the types of musical preferences manifests deeper psychological complexes of life positions and anthropological images of virtual communities of people with different ideas about the main values of life and the meaning of life. Pedagogical feasibility of developing a university course Music-Psychological Anthropology is due to the search for a new productive synthesis

of knowledge, which gives impetus for the development of the professional-personal reflection of future teachers-musicians, the conscious attitude to “their” and “other” as version of life and cultural practices, tolerance to uncertainty and to the dissimilarity of generational self-presentations with a common denominator – the value of the statement of life itself.

Keywords: musical and psychological anthropology, musical-language consciousness, artifacts and archetypes of musical-language consciousness, modal personality, precedent musical phenomena and preferences, the psychology of music education.

Acknowledgements: This article was carried out within the framework of a research area being developed by the author with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-013-00171 A. The author is grateful to the Department of Methodology and Technology of Pedagogy of Music Education, the Department of Psychology of Personality Development of Moscow State Pedagogical University for the opportunity to conduct research, as well as to students, undergraduates and graduate students who show a keen professional interest in the development of this area.

For citation: Toropova A. V. Musical-Psychological Anthropology as an Interdisciplinary Field of Scientific Knowledge. *Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie = Musical Art and Education*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 24–40 (in Russian).

Введение в проблему построения междисциплинарной области знаний «Музыкально-психологическая антропология»

Цель построения междисциплинарной области знаний «Музыкально-психологическая антропология» обусловлена всё большим стремлением современного человековедения к синтезу наук и искусств и запросом современных студентов на целостное познание своего предмета – музыки – в единстве его музыковедческих описаний, психологической значимости и педагогической целесообразности.

Такой запрос проистекает из ряда противоречий современного вузовского обучения в области педагогики и пси-

хологии музыкального образования между стремлением к актуальности содержания музыкального образования и отсутствием теоретического осмысления современных музыкальных практик развивающейся социокультурной городской среды, между установкой на разнообразие осваиваемых музыкальных стилей и недостаточностью научных исследований в области психологической сущности и адекватных педагогических подходов к их освоению, а также наличием научных областей, создающих фундамент педагогики музыкального образования в высшей школе и недостаточно простроенными сущностными связями между этими научными областями.

Проявление этих противоречий я вижу в том, что педагогическая практика обучения исполнительству в вузе в области актуальных направлений музыкального искусства, с одной стороны, стремится вобрать в себя всё современное искусство и превратить его в предмет изучения хотя бы в исполнительском плане (включая современные стили молодёжных субкультур, такие как панк-музыка, рэп, так называемый экспериментальный рок и т. д.), а с другой стороны, внедряется в область стихийно сформировавшихся музыкальных стилей с педагогическим инструментарием, принципиально не подходящим, подчас даже абсурдно противоречащим функциональным психологическим установкам этих субкультур. Тем самым в таких музыкально-педагогических практиках, как выступление с панк-ивентом на госэкзамене по эстраднему искусству и тому подобным оксюморонам, данные стили уничтожаются.

Этот «заход» современного музыкального образования со своим педагогическим набором инструментов (методики, зачёты и экзамен перед членами госкомиссии) в молодёжную субкультуру, куда прежде не допускались «посторонние», как в любую «квази-фольклорную» практику, показывает, с одной стороны, возможности постмодернистского «микста всего со всем», а с другой – недостаточность понимания оснований для адекватной интеграции существующих образовательных институций с живым потоком молодёжной музыкальной культуры. Думаю, это не способствует ни качеству музыкального образования в области современного музыкального искусства,

ни сближению поколений, ни существованию живой и независимой музыкальной стихии современной городской культуры, бесконечно порождающей новые стили. (Общеизвестно, что с приходом и участием в традиционных музыкально-обрядовых практиках западных исследователей – этнографов и культурологов – отдельные элементы, инструменты и целые обряды исчезали вместе с музыкальным материалом, который жил только в этих мгновениях традиционных практик.)

**Цель и гипотеза
исследовательского проекта
«Музыкально-психологическая
антропология»**

Музыкально-психологическая антропология может стать теоретическим фундаментом для понимания логики порождения традиционных и новых музыкальных практик. Её изучение позволяет: определить психологическую функцию того или иного музыкального стиля в момент его порождения и в дальнейшей динамике развития; быть готовым к восприятию новых и ещё не рождённых музыкальных стилей, которые появляются в молодёжной среде со скоростью, опережающей смену поколений, а также отделять стили, органично обогащающие педагогический репертуар обучающихся, от стилей, принципиально не отделимых от условий их рождения и исполнения и неуместных в образовательной среде вуза. Эти интенции определяют цель реализации проекта данной междисциплинарной области.

Методологической гипотезой является идея о том, что через построение целостной системы понятий,

принципов и методов данной научной области можно более продуктивно вести прикладные исследования в области музыкальной практики образования, обоснования и организации адекватных форм освоения актуальной музыки.

Характер данной гипотезы диктует её исследовательскую верификацию на двух уровнях: построении непротиворечивой теории и научного аппарата для её разработки и оснащения междисциплинарных исследований, а далее – проведении частных прикладных исследований, опирающихся на разработанную теорию и научный аппарат.

Цель представленного в статье обзора источников – поиск и анализ методологических оснований построения единого научного пространства музыкально-психологической антропологии, теории для данной междисциплинарной научной области.

**Теоретические основания
«Музыкально-психологической
антропологии» как
междисциплинарной области
научных знаний**

Междисциплинарность обозначенной научной области предполагает прежде всего отбор научного инструментария для исследований в области изучения музыкальных практик с позиций культурно-исторической психологии, музыковедения и культурной антропологии в едином фокусе.

Начнём с выделенных оснований: принципов, понятий и методов культурной и психологической антропологии.

В естественно-научной сфере знаний под антропологией традиционно

понималась биофизическая антропология, предмет которой – биологическая изменчивость организма (включая древние формы человеческого вида, изучаемые палеоантропологией), внешние «расовые» особенности человека и т. п. Сегодня концепция антропогенеза опирается на теорию генно-культурной коэволюции. «Она, – как пишет П. С. Гуревич, – является сложным взаимодействием, в котором культура генерируется и оформляется биологическими императивами, в то время как одновременно в генетической эволюции в ответ на культурные нововведения изменяются биологические свойства. По мнению американских учёных Ч. Ламсдена и Э. Уилсона, генно-культурная коэволюция одна и без посторонней помощи создала человека» [1, с. 17].

Продолжается ли коэволюция человека XXI века и если да, то в каких формах? Современные достижения генной инженерии убедительно демонстрируют возможности осознанного управления антропогенезом, но, возможно, культурные практики являются неосознаваемым, но не менее сильным фактором такого управления, создавая в музыкальных и других художественных «экспериментах» экспериментальные модели человека потребного будущего?

Увидеть в явлениях потока культуры вариативные облики человека как вида с определёнными заданными свойствами может помочь антропологический анализ отражённых в формах искусства ментальностей, структура и логика которого складывалась в философской антропологии последние три века, начиная с Ж.-Ж. Руссо [2] и И. Канта [3].

Критериями дифференциации человеческих сообществ и типов для наблюдения различий и сходств между ними могут быть не только *явно эксплицитированные признаки*, такие как принадлежность к определённой этнокультуре или социальному слою, классу, профессиональной группе, а также, по моему мнению, и неявные имплицитные ассоциации людей, зачастую незнакомых между собой, но объединённых общими ценностными ориентациями, в том числе поколенческими или личностными предпочтениями в области искусств, музыкальных направлений и стилей. Данный способ дифференциации «человеческих подвидов и субкультур» можно считать *горизонтальным*, отражающим разнообразные кластеры в пространстве одномоментных культурных практик, наряду с ним существует и *вертикальный*, или линейно-временной способ изучения сменяемости основных бытийных координат и ценностей в хронологии человеческой истории и эволюции самого человека – поколенческий.

Для изучения сходств и различий в горизонтальных неявно-дифференцированных человеческих сообществах необходимо совмещение подходов и методов как музыковедения, так и психологии для решения общей задачи – вычленения функционально-схожих стилей музыки как отражения общих запросов людей, объединённых по какому-либо признаку. Таким психологическим признаком, с моей точки зрения, является категория *ценностей* личности и группы. Именно *ценностные ориентации* человека проводят личность через разнообразные жизненные выборы, в том числе к своим ху-

дожественным пристрастиям и предпочтениям в направлениях и жанрах музыкального искусства.

В концепции культурной антропологии А. Крёбера была переосмыслена античная категория *этоса*. Этос, в понимании Крёбера, – это общее качество целостной культуры или субкультуры, пронизывающее её, подобно запаху. Кроме того, этос – это система идеалов, ценностей, доминирующих в какой-либо культуре, через которую осуществляется тенденция контролировать поведение её членов [4].

Возрождение или переосмысление в трудах Крёбера античного понятия об этосе кажется нам очень ценным, особенно если учесть, что яркими носителями этоса в античности признавались музыкальные структуры, в первую очередь ладовые. Присутствие в действующих формах музыкального искусства этоса как квинтэссенции «желаемого» для развития общества и человека помогает понять роль искусства и образования в подчинении и приучении личности к существующим нормам, ценностям, психологическим ожиданиям и вариантам путей развития общества.

В таком качестве понятие «этос» согласуется с понятием «эпистема», введённым позже философами постмодернизма, как обозначение реализации эфемерности этоса культур в материальных формах: в драматургии записанных произведений, в их слоге и ритме, в ладовых наклонениях при пении или декламировании, в способах записи типа интонирования. В музыкально-антропологическом аспекте в авторской трактовке *этос* и *эпистема* реализуются в связ-

ке: ценности группы и их трансляция через интонационное поле художественных практик. Таким образом, идеальный и реальный пласты существования человека в музыкальном пространстве совмещаются.

Антропологический контекст изучения взаимоотношений личности и культуры

Поиск путей сотрудничества психологии культуры и антропологии привёл к появлению в последней трети XX века направления, получившего название психоантропология культуры. Психогенное понимание культуры и искусства привело исследователей к точке зрения, согласно которой культурные явления есть спонтанный поиск терапии общества и индивида, «так как в современном обществе выживание в физическом мире стало вторичной задачей по сравнению с выживанием в интерпсихическом континууме» [5, с. 181–182].

Интерпсихический континуум, согласно мнению учёных, состоит из «фантазий, страхов и защит против них» [Там же], где фантазии группы – это совокупность бессознательно разделяемых группой идей, выраженных в символической форме и дающих чувство реальности, подвигающих группу на конкретные исторические действия. Соглашаясь с рядом авторов, А. А. Белик пишет, что «групповые фантазии человек защищает больше жизни» [Там же]. Они соединены в некие психологические комплексы разделённых с другими значимых ценностей, норм поведения и искомых состояний сознания, вместе образующих представление об идеальном представителе группы,

которое Р. Бенедикт назвала «модальной личностью» [6].

Дж. Хонигман, анализируя взаимоотношения личности и культуры, предлагал использовать концепт «модель» применительно к психологическому комплексу черт, который транслируется через этностили в традиционных культурах, и понимается как относительно закреплённый способ активности, мышления и чувствования (восприятия) [7, с. 80–104]. Соглашаясь с Хонигманом, Р. Бенедикт предложила понятие «модальная личность» [6], т. е. некий норматив, передаваемый в индивидуальное сознание через формы искусства и культуры путём психического заражения и внушения и в опоре на механизм подражания.

Нам эта простая мысль кажется чрезвычайно плодотворной для понимания воздействия музыки различных культур и субкультур на смысловое сознание общества и личности и встречное движение личности к своей культурно-психологической идентичности через идентификацию с *модальной личностью* определённой культуры или субкультуры. Эту методологическую посылку я считаю ценным элементом теории и практики построения исследований в сфере музыкально-психологической антропологии.

Содержание психологического комплекса ценностей и свойств модальной личности транслируется в общий поток культуры как «своё», нечто значимое и требующее своего места в настоящем через знаково-символическую реальность, в том числе через музыкальные практики. Прецедентные (повторяющиеся) феномены, «ивенты» тиражируют «модели музы-

кального поведения» через группы любителей, последователей и фанатов, усиливающих чувство принадлежности группе. презентуют этот психоконтекст в социуме. Такая «племенная психология», по выражению антропологов [5], поддерживается медийным инструментарием и виртуальными коммуникативными системами, обрастает своей идеологией и языками выражения, вбрасывает в поле культуры музыкальный стиль, который становится определённой матрицей для воспроизведения.

Ключевой психологической платформой, продуктивной для построения теории музыкально-психологической антропологии, является концепция культурно-исторической психологии, а также обращение к категориям переживания, знака, смысла и значения, введённым Л. С. Выготским [8]. Музыкаведение даёт возможность в качестве знака переживания рассматривать интонацию и интонирование, а в качестве материала для музыкально-психологического анализа – музыкальные стили, жанры и формы, т. е. тексты музыкальной культуры, её идеальные и материальные артефакты.

Итак, в науках о человеке и культуре наработана обширная методологическая база, обобщение и селекция положений которой могут быть осмыслены в свете культурно-исторической психологии, музыкознания и психологии музыкального образования – всех тех феноменов и понятий, какие могут быть интегрированы в музыкально-психологической антропологии.

Тенденция интереса к антропологической призме анализа явлений

культуры заметна во всплеске публикаций по данному направлению в мировой научной периодике [9; 10]. При этом результативная методология исследований, которая бы позволила говорить о новых полученных научных фактах, углубляющих гуманитарное знание, пока не просматривается. Мультипарадигмальность данного этапа культурно-психологической антропологии охватывает подходы от построения биологических и математических моделей динамических показателей смены отдельных стилевых характеристик [9] до эссе, описывающего опыт художественных перформансов как практического курса культурной антропологии в контексте гуманитарного образования [10].

Подводя черту под представленными концепциями, приведём высказывание психолога и психотерапевта К. Роджерса: «Человек в течение долгого времени ощущал себя в жизни марионеткой, сделанной по шаблону... Но... Он выбирает себя, пытается в самом сложном и часто трагическом мире стать самим собой – не куклой, не рабом, не машиной, но уникальным индивидуальным “Я”» [11]. По моему мнению, стать самим собой – это, в числе прочего, понять внутренние истоки музыкально-символической деятельности сознания, приведшей к тем формам музыкальной культуры, искусства и образования, которыми мы владеем, а также увидеть за музыкальными направлениями и стилями ценностные установки модальной личности, один из вариантов жизни человека в современном, создаваемом им самим, мире.

Основные понятия и методы музыкально-психологической антропологии

Музыкально-психологическая антропология способна продвигаться в познании человека через анализ ментальностей этнических, социальных или конфессиональных групп, воплощённых в музыкальных феноменах, оперируя такими понятиями, разработанными автором статьи, как: *интонирующее сознание и индивидуальные стили интонирования* [12; 13; 14], *музыкально-языковое сознание* [15], *его этнокультурные и социальные облики, архетипы и артефакты* [Там же], а также понятия культурной антропологии и музыкологии, упомянутые ранее – *этнослух* [16; 17], *модальная личность, ценности и музыкальные предпочтения* как маркеры модальной личности, *прецедентные музыкальные тексты* [18] как «контейнер» для сохранения модальной личности в истории обществ.

Разрабатываемое направление может быть продуктивным, если в нём, кроме собственной системы понятий, будут апробированы методы, позволяющие добывать новые научные факты. Апробация методов – процесс длительный и коллективный. На данный момент можно сказать, что продуктивность некоторых методов получила подтверждение в ряде исследований: анализ сензитивности личности к архетипам интонирования при восприятии музыки (А. В. Торопова [12 – 17]); анализ прецедентных текстов музыкальной

культуры (разрабатывается совместно с А. А. Харжевской [18]).

Представим теперь новые факты, полученные в ходе исследования ценностных ориентаций неявных социальных групп с разным типом музыкальных предпочтений¹.

Исследование ценностных ориентаций любителей разных музыкальных направлений с позиции музыкально-психологической антропологии

В ходе исследования были опрошены 111 респондентов в возрасте от 20 до 30 лет (студенты и работающая молодёжь).

Метод экспертной категоризации музыкальных предпочтений респондентов позволил выделить 5 групп любителей музыки разных направлений: поп-музыки (N=27), рок-музыки (N=30), комплекса направлений «стрит-музыки» (N=11), электронной музыки (N=20) и так называемых «меломанов» (N=23).

При проведении исследований такого рода в западной науке был обнаружен камень преткновения в определении музыкальных оснований для разделения слушателей по предпочтениям. Поскольку разделение музыкальных явлений по направлениям и жанрам с позиции профессионального музыковедческого анализа не может помочь в понимании того, как именно неискушённые в музыковедческих классификациях слушатели осуществляют выбор того или иного направления, то в исследовательских целях предлагались различные дифференцирующие

¹ Сбор данных был произведён Я. Д. Жегловой в рамках выполнения ВКР бакалавра под научным руководством автора статьи.

щие музыку подходы: по эмоциональному содержанию, по сложности музыкальной ткани и тяжести фактуры, по составу инструментов и даже по функциям в общественной жизни. В нашем исследовании мы исходили из эмпирических описаний предпочитаемой музыки, сделанных респондентами.

Позволим себе дать краткое описание музыкальных течений и жанров, полученных в ходе анкетирования респондентов, выбирающих тот или иной стиль как предпочитаемый. Представленные описания не претендуют на музыковедческую глубину стилового анализа или историческую проработанность генезиса каждого направления, а дают лишь обобщённую картину представлений о стиле «глазами» респондентов, что является важной частью музыкально-антропологического анализа отношения современных слушателей к музыкальным стилям.

Поп-музыка – обобщает стилистику массовой популярной культуры, характеризующейся простотой и ритмичностью инструментальной фактуры и акцентом на фронт-вокале. В это обобщённое в исследовательских целях понятие респонденты отнесли ряд таких субнаправлений и поджанров, как диско, танцевальная, евро-поп, барокко-поп, дрим-поп и др.

Рок-музыка также имеет массу направлений, начиная с довольно лёгких жанров, таких как rock'n roll, и заканчивая тяжёлыми «металл» и «грайндкор». В генезисе рок-музыки всегда был внутренний протест против культуры мэйнстрима и поп-культуры. Слово «rock» с английского переводится как «качать» и в данном случае указывает на особенно-

сти ритмики и поведения исполнитель-лей и слушателей.

Стрит-музыка как направление характеризуется «несистемностью» и демократичностью, это обобщённое понятие объединяет такие жанры как хип-хоп, рэп, кантри и др., сформированные в городской культурной среде начала XXI века. Стиль характеризуется чётким ритмом, глубокими, часто философскими текстами и повторяющейся в ограниченном диапазоне мелодией-речитативом.

Электронная музыка объединена звуковым экспериментированием с помощью компьютерных технологий. Для неё характерны электромеханические и электронные звуки, которые возникают при помощи магнитофонов, компьютеров, генераторов и другой техники. Электронная музыка зачастую является виртуальной средой бытия личности современного молодого человека, предпочитающего технику, IT-технологии, дистанцированное общение.

«Меломаны» – в нашем исследовании это группа людей, которые не могут отнестись к своему предпочтению ни к одному направлению. Они предпочитают слушать лучшие, по их мнению, композиции разных исполнителей, не концентрируясь на определённом стиле и жанре.

Основными вопросами исследования были следующие: существуют ли значимые различия по ценностным ориентациям между группами молодёжи с разным типом музыкальных предпочтений? И каковы особенности ценностных ориентаций внутри групп с разным типом музыкальных предпочтений?

Ценностные ориентации респондентов исследовались с помощью ме-

тодики Ш. Шварца, детально охарактеризованной в работе В. Н. Карандашева [19]. Ш. Шварц исходил из того, что наиболее существенный содержательный аспект, лежащий в основе различий между ценностями, – это тип мотивационных целей, которые они выражают. Поэтому он сгруппировал отдельные ценности в *типы ценностей* в соответствии с общностью их целей. Автор методики, по мнению Карандашева, разделял представления о том, что «базовые человеческие ценности, с высокой вероятностью обнаруживаемые во всех культурах, – это те, которые представляют универсальные потребности человеческого существования (биологические потребности, необходимость координации социального взаимодействия и требования функционирования группы)» [19, с. 26].

Базовые ценности были сгруппированы в десять мотивационно обусловленных типов: «Власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиция, конформность, безопасность» [19, с. 28–29]. (Далее даётся содержательная интерпретация этих десяти типов ценностей, так как это важно для раскрытия полученных результатов нашего исследования.)

1. *Власть (Power)*. Главная цель этого типа ценностей предполагает достижение социального статуса или престижа, контроль или доминирование. Активное проявление такой ценности показывает социальную компетентность в рамках социокультурной системы.

2. *Достижение (Achievement)*. Характеризуется стремлением к успешности, к компетенции в соответствии с нормами общества. Проявление дан-

ного паттерна поведения влечёт за собой социальное одобрение в условиях доминирующих культурных стандартов.

3. *Гедонизм (Hedonism)*. Целью данного типа ценностных ориентаций является стремление к наслаждению, получение чувственного удовольствия от жизни.

4. *Стимуляция (Stimulation)*. Характеризуется потребностью постоянного возбуждения организма, как на биологическом, так и на социальном уровне, путём поглощения разнообразной информации и поддержанием определённого уровня активности, а также желанием постигать всё новое, испытывая при этом глубокие переживания.

5. *Самостоятельность (Self-Direction)*. Личность с преобладанием данного типа ценностей демонстрирует самостоятельность мышления и выбора способов действия в творчестве и исследовательской активности. Она является производной от потребностей в самоконтроле и самоуправлении, а также в автономии и независимости.

6. *Универсализм (Universalism)*. Терпимость, понимание, общее благополучие людей и природы характеризуют данную ценность. Приспособление лежит в основе такой мотивационной цели универсализма, как потребность в выживании человека в условиях, не типичных для его среды.

7. *Доброта (Benevolence)*. Является более узкой «просоциальной» ценностью (по сравнению с универсализмом), в основе которой лежит доброжелательность. Доброта является производной от аффилиации, стремления к сближению людей и поддер-

жанию дружеских и положительных связей. Здесь мотивационной целью является сохранение благополучия людей, при условии ответной честности, полезности, лояльности, снисходительности и ответственности.

8. *Традиции (Tradition)*. Любая культура имеет определённые паттерны поведения, символы и ритуалы. Всё это закрепляет за принятыми формами поведения нормативные способы выражения чувств и потребностей, что гарантирует выживание индивида в обществе.

9. *Конформность (Conformity)*. Сдерживание и предотвращение действий, а также склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям, характеризуют мотивационную цель данной ценности. Она является производной от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия, и развивать положительные (послушание, самодисциплина, вежливость, уважение родителей и старших).

10. *Безопасность (Security)*. Гармоничное существование, стабильность общества и собственная безопасность являются мотивационной целью данного типа ценности. Ценности, относящиеся к коллективной безопасности, в значительной степени выражают цель безопасности и для личности (социальный порядок, безопасность семьи, национальная безопасность, взаимное расположение, взаимопомощь, чистота, чувство принадлежности, здоровье) [19, с. 30].

Данная методика была выбрана в качестве диагностического инструмента для изучения взаимосвязи ценностных ориентаций молодёжи

с разным типом музыкальных предпочтений.

Качественный анализ профилей групп с разным типом музыкальных предпочтений показал, что общим для всех групп молодёжи доминирующим выбором в иерархии ценностей оказалась *ценность гедонизма*, что можно считать *поколенческой характеристикой* жителей Москвы от 20 до 30 лет.

Опираясь на вторую по значимости ценность, мы выделили условно «титульные» для каждой группы ценностные ориентации: для *любителей поп-музыки – доброта*; для *любителей рок-музыки – достижения*; для *любителей стрит-музыки – самостоятельность*; для *любителей электронной музыки – стимуляция*; для «*меломанов*» – *универсализм*.

При количественной обработке данных с помощью математического критерия Крускала-Уоллиса было выявлено, что характеристики различных по предпочтениям групп статистически отличаются друг от друга по значимости таких ценностей, как традиции ($p=0,006$), самостоятельность ($p=0,045$) и безопасность ($p=0,036$).

Наиболее яркие из полученных результатов позволили сделать ряд обобщений:

- слушатели, предпочитающие *стрит-музыку*, не ценят *безопасность и стимуляцию*, а слушатели, предпочитающие *электронную музыку*, наоборот, очень выделяют *стимуляцию как важную жизненную ценность*, а также *ценят безопасность*;
- слушатели, предпочитающие *поп-музыку*, *ценят безопасность наиболее высоко среди всех групп*,

слушатели, предпочитающие *стрит-музыку* – наиболее низко, то есть *отвергают ценность безопасности жизни*, что наталкивает нас на вывод о склонности к риску;

- любители *стрит-музыки* наиболее *ценят самостоятельность*;
- ценность *традиции* наиболее важна для *предпочитающих электронную музыку* и отвергаема как ценность для *любителей рок-музыки*.

Полученные результаты дают совершенно новый фактический материал для размышлений и обобщений относительно *модальной личности* каждого из выделенных направлений. Подчеркнём, что исследование проводилось с привлечением респондентов через интернет-сети, то есть они не были знакомы между собой, но при этом, разделяя общие предпочтения в музыке, оказались объединены общими ценностями, которые представлены широкими мировоззренческими позициями и мотивациями, не связанными с музыкой. Эти результаты показывают, что дифференциация общества по типам музыкальных предпочтений проявляет более глубокие психологические комплексы жизненных позиций и антропологические облики виртуальных сообществ людей, имеющих различные представления о главных ценностях жизни и смысла бытия.

Перспективы педагогического осмысления и развития музыкально-психологической антропологии

Представленные концептуальные основания, ключевые понятия и методы, полученные научные факты и перспективы исследования актуаль-

ных вопросов – всё это составляет содержание и структуру междисциплинарной научной области «Музыкально-психологической антропологии», как её видит и развивает автор статьи. Данная научная область востребована и апробирована автором в практике вузовского музыкально-педагогического образования как комплексный курс для магистратуры, дающий новый уровень рефлексии и операционализации фундаментальных и прикладных знаний и умений, полученных обучающимися ранее. Безусловно, разработанный курс опирается и работает в комплексе с такими курсами, как «История музыки», «Теория музыки», «Народное творчество и этнография», «Национальные образы мира в истории музыкальной культуры» и некоторые другие, предлагаемые в музыкально-педагогических образовательных программах вузов. Курс «Музыкально-психологическая антропология» даёт принципиально новый ракурс для осмысления психогенезиса музыкальных феноменов и стилей, способствующий выработке профессионального отношения к музыкальным явлениям, к традиционным и современным практикам, ко всему неизвестному и вызывающему трудности для понимания. Это было отмечено многими магистрантами, прослушавшими курс и проработавшими его задания, о чём сообщили собранные автором в качестве обратной связи студенческие эссе.

Педагогическая целесообразность вузовского курса «Музыкально-психологическая антропология» может считаться доказанной, т. к. отвечает потребности нового продуктивного синтеза знаний, дающего импульс для развития профессионально-лич-

ностной рефлексии будущих педагогов-музыкантов, осознанного отношения к «своему» как рядоположному с «иным» вариантом жизни и культурных практик, толерантности к неопределённости и с несхожестью поколенческих самопрезентаций при общем знаменателе – ценности утверждения самой жизни.

Заключение

Обобщая целый ряд инициированных автором статьи студенческих исследовательских проектов в поиске ответов на поставленные в рамках музыкально-психологической антропологии вопросы, можно сделать вывод о продуктивности представленного методологического подхода для

обоснования целого ряда психологических функций музыкального интонирования, формирования стилей, маркирующих «модальную личность» и ценности социальных, этнических и конфессиональных групп, и предельно обобщённые поколенческие ценностные ориентации.

Формирование междисциплинарной области знаний и вузовского курса «Музыкально-психологическая антропология» связано с общей тенденцией синтеза научных областей, расширяющей инструментарий комплексного познания таких сложных феноменов, как сознание, ментальность, общество, знаково-символическая реальность, музыкальная культура и образование.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гуревич П. С.* Антропологический ренессанс // Феномен человека: Антология. М.: Высшая школа, 1993. С. 3–23.
2. *Руссо Ж.-Ж.* Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании. Калининград: Янтарный сказ, 2001. 416 с.
3. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999. 471 с.
4. *Kroeber A. L.* Anthropology: Culture Patterns & Processes. Harcourt: Brace & World, Inc., 1963. 252 p.
5. *Белик А. А.* Культурология. Антропологические теории культур. М.: РГГУ, 1998. 241 с.
6. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: Наука, 2007. 360 с.
7. *Хонигман Дж.* Понятия. Подходы // Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология / под общ. ред. А. А. Белика. М.: Смысл, 2001. С. 51–103.
8. *Выготский Л. С.* Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психического развития ребёнка / ред.-сост. А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия. М.: АПН РСФСР, 1956. 519 с.
9. *Daniele J.* A Tool for the Quantitative Anthropology of Music: Use of the nPVI Equation to Analyze Rhythmic Variability within Long-term Historical Patterns in Music. University of California, Berkeley, 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/312205558_A_Tool_for_the_Quantitative_Anthropology_of_Music_Use_of_the_nPVI_Equation_to_Anal (дата обращения: 02.04.19). DOI: 10.18061/emr.v11i2.4893
10. *Truys C.* Trash, teaching and the city: the “Big Hole Counter Narrative” project and the “Urban Anthropology: Research Methods and Fieldwork” course at Sol Plaatje University // Journal Anthropology Southern Africa. 2018, vol. 41, issue 1: Human and plant interfaces: relationality, knowledge and practices, pp. 55–65.

11. *Роджерс К.* Гуманистическая психология: теория и практика // Избранные труды по психологии. Под ред. А. Н. Сухова. Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ун-т. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 450 с.
12. *Торопова А. В.* Интонирующая функция психики в генезисе музыкального сознания // Развитие личности. 2011. № 3. С. 40 – 61.
13. *Торопова А. В.* Интонирующая природа психики. Монография. М.: Ритм, 2013. 340 с. (Переиздание: Интонирующая природа психики. Музыкально-психологическая антропология. М.: МПГУ, 2018. 350 с.)
14. *Торопова А. В.* Индивидуальный стиль интонирования как психодиагностический инструмент в музыкальном образовании и музыкотерапии // Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование». 2018. 3(23). С. 49–67.
15. *Торопова А. В.* Феномен распознавания интонационных универсалий как основа музыкально-языкового сознания // Искусствознание и гуманитарные науки современной России. Параллели и взаимодействия. Сборник статей по материалам Международной научной конференции. М.: Книга по Требованию, 2012. С. 124–132.
16. *Торопова А. В.* Феноменология интонирующей функции музыкально-языкового сознания: дис. ... доктора психол. наук. М., 2017. 379 с.
17. *Торопова А. В.* Музыка как интонирующая идентичность на пересечении четырёх внешних реальностей бытия и развития личности // Развитие личности. 2017. № 4. С. 142–154.
18. *Харжевская А. А., Торопова А. В.* Влияние музыкальных прецедентных феноменов на формирование поколения // Международный научный журнал «Научные вести». 2019. № 2(7). С. 97–104.
19. *Карандашев В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство // Практикум по психодиагностике. СПб.: Речь, 2004. 70 с.

Поступила 06.05.2019; принята к публикации 14.06.2019.

Об авторе:

38

Торопова Алла Владимировна, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (улица Малая Пироговская, 1, стр. 1, Москва, Российская Федерация, 119991), руководитель научно-образовательного центра «Психологии искусства, арт- и музыкотерапии» при МПГУ, доктор педагогических наук, доктор психологических наук, профессор, allatoropova@list.ru

Автором прочитан и одобрен окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Gurevich P. S. Antropologicheskij renessans [Anthropological renaissance]. *Fenomen cheloveka* [Human Phenomenon]. Anthology. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1993, pp. 3–23 (in Russian).
2. Rousseau J.-J. *Opyt o proiskhozhdenii yazykov, a takzhe o melodii i muzykal'nom podrazhanii* [Experience about the origin of languages, as well as about melodies and musical imitation]. Kaliningrad: Yantarny skaz Publ., 2001. 416 p. (in Russian).

3. Kant I. *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya* [Anthropology from a pragmatic point of view]. Saint-Petersburg: Nauka Publ., 1999. 471 p. (in Russian).
4. Kroeber A. L. *Anthropology: Culture Patterns & Processes*. Harcourt: Brace & World, 1963. 252 p. (in Russian).
5. Belik A.A. *Kul'turologiya. Antropologicheskie teorii kul'tur* [Culturology. Anthropological theories of cultures]. Moscow: RGGU Publ., 1998. 241 p. (in Russian).
6. Benedict R. *Hrizantema i mech. Modeli yaponskoj kul'tury* [The Chrysanthemum and the Sword. Models of Japanese culture]. Moscow: Nauka Publ., 2007. 360 p. (in Russian). (The Chrysanthemum and the Sword, Palterns of Japanese Culture. Boston: Houghton, Mifflin Company, 1946. 324 p.)
7. Honigman J. Ponyatiya. Podhody [Concepts. Approaches]. *Lichnost', kul'tura, etnos. Sovremennaya psihologicheskaya antropologiya* [Personality, Culture, Ethnos. Modern psychological anthropology]. Under general edition by. A. A. Belik. Moscow: Smysl Publ., 2001, pp. 51–103 (in Russian).
8. Vygotsky L. S. *Izbrannye psihologicheskie issledovaniya: Myshlenie i rech'. Problemy psihicheskogo razvitiya rebyonka* [Selected psychological studies: Thinking and speaking. Problems of mental development of the child]. Edited and compiled by A. N. Leont'ev and A. R. Luriya. Moscow: APS RSFSR, 1956. 519 p. (in Russian).
9. Daniele J. *A Tool for the Quantitative Anthropology of Music: Use of the nPVI Equation to Analyze Rhythmic Variability within Long-term Historical Patterns in Music*. University of California, Berkeley, 2017. Available at: https://www.researchgate.net/publication/312205558_A_Tool_for_the_Quantitative_Anthropology_of_Music_Use_of_the_nPVI_Equation_to_Anal (accessed: 02.04.19). DOI: 10.18061/emr.v11i2.4893
10. Truys C. Trash, teaching and the city: the “Big Hole Counter Narrative” project and the “Urban Anthropology: Research Methods and Fieldwork” course at Sol Plaatje University. *Journal Anthropology Southern Africa*. 2018, vol. 41, issue 1: Human and plant interfaces: relationality, knowledge and practices, pp. 55–65 (in Russian).
11. Rogers K. Gumanisticheskaya psihologiya: teoriya i praktika [Humanistic psychology: theory and practice; by ed. A. N. Sukhova; Russian Acad. Education, Moscow Psychological and Social University]. *Selected works in psychology*. Ed. by A. N. Sukhov. Russian Academy of Education, Moscow psychological-social university. Moscow: MSPU Publ.; Voronezh: MODEK Publ., 2013. 450 p. (in Russian).
12. Toropova A. V. Intoniruyushchaya funktsiya psihiki v genezise muzykal'nogo soznaniya. [Intonating function of the psyche in the genesis of the musical consciousness] *Razvitie lichnosti=Development of personality*. 2011, no. 3, pp. 40–61 (in Russian).
13. Toropova A. V. *Intoniruyushchaya priroda psihiki* [Intonating nature of the psyche]. Monograph. Moscow: Ritm Publ., 2013. 340 p. (Reprint: Intoniruyushchaya priroda psihiki. Muzykal'no-psihologicheskaya antropologiya [Intonating nature of the psyche. Musical - psychological anthropology]. Moscow: MPGU Publ., 2018. 350 p.) (in Russian).
14. Toropova A. V. Individual'nyj stil' intonirovaniya kak psihodiagnosticheskij instrument v muzykal'nom obrazovanii i muzykoterapii. [Individual style of intonation as a psychodiagnostic tool in music education and music therapy] *Vestnik kafedry UNESCO "Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie" = Bulletin of the UNESCO Chair "Musical Arts and Education"*. 2018, no. 3(23), pp. 49–67 (in Russian).
15. Toropova A. V. Fenomen raspoznavaniya intonatsionnykh universalij kak osnova muzykal'no-azykovogo soznaniya [Phenomenon of recognition of intonation universals as the basis

- of the musical-language consciousness]. *Iskusstvoznanie i gumanitarnye nauki sovremennoj Rossii. Paralleli i vzaimodejstviya*. [Art History and Humanities of Modern Russia. Parallels and interactions]. Collection of papers after International Science Conference. Moscow: Kniga po Trebovaniyu Publ., 2012, pp. 124–132 (in Russian).
16. Toropova A. V. *Fenomenologiya intoniruyushchej funktsii muzykal'no-yazykovogo soznaniya*. [Phenomenology of the intonating function of musical-linguistic consciousness] Doctoral dissertation (Psychology). Moscow, 2017. 379 p. (in Russian).
  17. Toropova A. V. *Muzyka kak intonirovannaya identichnost' na peresechenii chetyryoh vneshnih real'nostej bytiya i razvitiya lichnosti* [Music as an intonated identity at the intersection of four external realities of being and personal development]. *Razvitie lichnosti = Development of personality*. 2017, no. 4, pp. 142–154 (in Russian).
  18. Kharzhevskaja A. A., Toropova A. V. *Vliyanie muzykal'nyh pretsedentnyh fenomenov na formirovanie pokoleniya* [Influence of musical precedent phenomena on generation formation]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal "Nauchnye vesti"* [International Scientific Journal "Scientific News"]. 2019, no. 2(7), pp. 97–104 (in Russian).
  19. Karandashev V. N. *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostej lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz Methodology for the Study of Personality Values: Concept and Methodological Guidebook]. *Praktikum po psikhodiagnostike* [Practical work on psychodiagnostics]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., 2004. 70 p. (in Russian).

Submitted 06.05.2019; revised 14.06.2019.

About the author:

Alla V. Toropova, professor at the Department of Methodology and Technology of Musical Education Pedagogy, Institute of Fine Arts, Moscow State Pedagogical University, Head of the Scientific and Educational Center "Psychology of art, art and music therapy" at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Pedagogical State University" (MSPU) (M. Pirogovskaya Str. 1/1, Moscow, Russian Federation, 119991), Doctor of Pedagogical Sciences, Doctor of Psychological Sciences, Professor, allatoropova@list.ru

The author has read and approved the final manuscript.